

МАРИИНКУ БОЛЬШЕ НЕ ГНОБЯТ

Зачем нужна нам Марининка? Большой театр гораздо спокойнее жил без нее, не раз отказывая от дома, хоть (или именно потому что) Гергиев и рвался липший раз блеснуть в столице. И кто бы восемь лет назад, когда затевались премия и фестиваль «Золотая маска», мог знать, что деятельность «Маски» пойдет гораздо дальше, чем раздача наград?

Проведенные ею обменные гастроли Большого театра и Марининки сделали ее послом в урегулировании скрытого конфликта. В Питер поехали «Онегин» и «Лебединое»; Марининка на днях привезла нам прокофьевского «Семена Котко» и гала-концерт.

ДВОЙНОЕ ДНО ПРОКОФЬЕВА

Москвичи наконец увидели оперу, удостоенную многих «Масок». Вернее, анти-оперу. От лирики здесь не осталось практически ничего. Зато история солдата Семена Котко, вернувшегося в деревню с Первой мировой и угловатого в революционную неразбериху (1918 год на Украине), рассказана будто с точки зрения инопланетянина. Собственно, спектаклю задан тон платоновской прозы; более того, посреди сцены — котлован, не оставляющий сомнений, что художник Семен Пастух и режиссер спектакля Юрий Александров идут в ногу с «Чевентуром» Льва Додина.

Запредельно жестокая жизнь, портяночный быт, земля-короста, иногда будто запах прозекторской. Торжество серо-буро-малинового цвета, которому найдено наконец и пластическое соответствие. Герой-вахлаки. Все бы резать да бить друг друга. В музыке Прокофьева обнажены жестокости, беспощадные ритмы — Гергиев в оркестре дождал это дело так, что жутко оплунуться на собственную историю. Поражаешься только, как живуч русский человек. А чем выжил — тоже рассказано и музыкой, и театром. Земля начинает светиться мертвенно-зеленым светом. Председатель сельсовета все больше напоминает Фантомаса или даже Дракулу. И какая с высоты космоса разница — кто тут белый, кто тут красный, кто немец, кто украинец — все они в финале сливаются в стройный хор, поставленный на сцене тупо-фронтально, как в анекдотичной китайской опере времен Мао. Мало того — все в серых гимнастерках и с красными штатниками и руках. Бессмысленность этого мощного хора не отменяет главного смысла: в массе, в хоре можно было спрятать лицо.

ВАХЛАКИ И ФЕИ

Гастроли Марининского театра в Москве. Сцена Большого театра

раствориться, «не высавываться» и выжить.

Трудно сказать, вкладывал ли Прокофьев сознательно двойной смысл в свою оперу. Скорее нет: в лирических фрагментах его музыки много сочувствия к героям. В постановке Александра — как и в спектакле Додина — сочувствия никакого (это единственный минус их общей, как получилось, концепции). И может, вся идея и эстетика нынешней марининской постановки пошли от одной-единственной фразы «Попутно установите связь с населением» — да возможен ли вообще такой текст в опере?! Но включил же его (и много подобного) в ткань своего сочинения Прокофьев, человек тонко-литературный и сам написавший это либретто по повести Катаева «Я, сын трудового народа».

Что ж, марининская анти-опера «Семен Котко» оказалась выше просто оперы и просто удачного спектакля. Она стала еще одним этапом осмысления себя, трагической отечественной истории (это опера-то!). А осмысление уже есть изживание.

КОРОЛЕВУ ДЕЛАЕТ СВИТА

В отличие от прошлогоднего гала-концерта Марининки — до полуночи затянувшейся череды оперных арий, так и гнавших зрителей в буфет за шампанским, — Гергиев на этот раз определился четко: два мини-балета и два оперных фрагмента, все сплошь Чайковский.

В показанном финале «Пиковой дамы» (в концертном исполнении) теперь, не оталекаясь на ошеломительный пафос, зритель смог оценить и высокое качество голосов марининцев, и их культуру. Забавно было: тенор Виктор Лушюк, еще только вчера певший заглавную партию в экзистенциальной — даже по ту сторону жизни и смерти — постановке, теперь хрестоматийно выпевал: «Что наша жизнь? Игра!» Эх, его Семену Котко — да Германовы бы проблемы.

Два балета Баланчина — на музыку струнной «Серенады» и фрагмента из «Лебединого озера», не входившего в основной текст. — восхитили зал, хотя заставили сморщиться

нос балетных критиков, упреждавших много шероховатостей. Но по мне — так было что-то мистическое даже в том, как балерины Марининки легко, словно феи, упархивают за сцену. А все перестроения и «фотографические» кучкования в духе старины, какую мы знаем ее действительно по снимкам, превращают артисток в живые тени упреждавших веков, начиная античностью.

В па де де из «Лебединого» победительный Игорь Зеленский сорвал нечеловеческие вопли зала. А Диана Вишнева, только что выступавшая в довольно пошлом бенефисе на сцене Театра эстрады, показала, как важен высокий контекст спектакля, свиты, делающей королеву — таковой она себя вновь показала. Неувольнима тайна обаяния марининского балета. ну балет ли это? или херувимы, счастливо, снизошедшие к нам из горних прелестей?

И все же Гергиев по-своему brutally обошелся со зрителем, подтаившим на балете. Гала-концерт закончился вторым актом утренней оперы «Мазепа»: застенок, окровавленный Кочубей, мольба матери к

Марии, казнь Кочубея... Зачем нужен был Гергиеву этот увесистый кусок нафталиновой постановки в полной декорации, с хором человек в сто в украинских костюмах, с роскошными Мазепой (Виктор Черноморцев) и Кочубеем (Михаил Кит), Марией (Ирина Лоскутова — она же гениальная безумная Любка накануне в «Котко») и Любовью (Ольга Савова)?

УЖ НЕ ЗАМАХ ЛИ?

А затем, чтобы показать: умеем все! Надо крутой авангард — да пожалуйста! Традицию — бери не хочу. И действительно, при таком заразительном оркестровом драйве, который мертвого поднимет, далеко не новые мысли приходят в голову. Не возглавит ли Гергиев в конце концов оба театра? Слухи об общей дирекции императорских Большого и Марининки циркулируют давно. И то правда: лучше гергиевская пестрота на грани с нергэборчивостью, чем бесплодная державная концептуальность, которой так привык кичиться Большой театр. Зритель хочет много всего и разного. Кто бросит в него камень? ■